

**Салтыков-Щедрин Михаил
Евграфович**

**Сочинения М.Е. Салтыкова
(Н. Щедрина)**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
М69

М69 **Михаил Евграфович С.**
Сочинения М.Е. Салтыкова (Н. Щедрина): Том 2 / Салтыков-Щедрин Михаил
Евграфович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 524 с.

ISBN 978-5-519-84485-7

ISBN 978-5-519-84485-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СОДЕРЖАНИЕ

ВТОРОГО ТОМА.

САТИРЫ ВЪ ПРОЗѢ.

	Стран.
Къ читателю	1
I.—Госпожа Надейкова	31
II.—Недавнія комедии:	
1) „Соглашение“.	43
2) „Погоня за счастьемъ“	58
III.—Недовольные (сцена).	71
IV.—Скрежесть-зубовый	76
V.—Нашъ губернский депъ	98
VI.—Литераторы-обыватели	126
VII.—Клевета	155
VIII.—Наша глуховскія дѣла	169

ПРИЗНАКИ ВРЕМЕНИ.

I.—Завѣщаніе моимъ дѣтямъ	199
II.—Новый Нарцызъ, или влюбленный въ себя	213
III.—Легковѣсные.	226
IV.—Литературное положеніе	237
V.—Сеничкинъ лѣсъ	251
VI.—Русскіе „гуляющіе люди“ за границей	262
VII.—Нашъ „savoir-vivre“	272
VIII.—Проезътъ современнаго балета	284
IX.—Хищники	298
X.—Самодовольная современность	311
XI.—Сила совѣтѣй	321

ПИСЬМА О ПРОВИНЦИИ.

Письмо первое	341
„ второе	351
„ третье	360
„ четвертое	368
„ пятое	378
„ шестое	387
„ седьмое	399
„ восьмое	409
„ девятое	423
„ десятое	439
„ одиннадцатое	445
„ двенадцатое	454

ИТОГИ.

Глава I	469
„ II	479
„ III	488
„ IV	494—509

САТИРЫ ВЪ ПРОЗѢ

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Еще не такъ давно (а можетъ быть даже и совѣмъ „недавно“) мы не только съ снисходительностью, но даже съ крайнимъ равнодушіемъ взирали на гражданскія и нравственныя убѣжденія людей, съ которыми намъ приходилось идти бокъ-о-бокъ въ обществѣ. Намъ едавалось, что убѣжденія составляютъ нѣчто постороннее, сложившееся силою внѣшнихъ обстоятельствъ, силою фатализма, и отнюдь не причастное личной жизненной работѣ каждаго изъ насъ. Совѣсть наша затруднялась мало, смущалась еще менѣе. Если требовалось опредѣлить признаки извѣстнаго явленія, сдѣлать оцѣнку извѣстнаго поступка, мы, безъ излишнихъ хлопотъ, посылали эту покладистую совѣсть въ тотъ темный архивъ, въ которомъ хранилась попорченная крысами и побитая молю мудрость вѣковъ, и безъ труда отыскивали на пожелтѣвшихъ столбцахъ ея все, что было нужно для удовлетворенія непрехотливыхъ нашихъ потребъ.

Тамъ, въ этомъ мрачномъ хранилищѣ нашихъ жизненныхъ воззрѣній, лежали всегда готовыя къ нашимъ услугамъ связки старыхъ дѣлъ, надписи на которыхъ гласили: убѣжденія дворянскія, убѣжденія мѣщанскія, убѣжденія холопскія. Кодексъ мудрости, общежитія и приличій, кодексъ условной нравственности, условной истины и условной справедливости былъ весь тутъ на лицо: стоило только заглянуть въ него, и мы навѣрное знали, какъ слѣдуетъ поступить намъ въ данномъ случаѣ, какъ слѣдуетъ вести себя вообще. Такимъ образомъ мы узнавали, что дворянину не полагалось приличнымъ заниматься торговлею, промыслами, сморкаться безъ помощи платка и т. п., и не полагалось неприличнымъ поставить на карту цѣлую деревню и промѣнять дѣвку Аришку на борзого щенка; что крестьянину полагалось неприличнымъ брить бороду, пить чай и ходить въ сапогахъ, и не полагалось неприличнымъ пропонтировать сотню верстъ пѣшкомъ съ письмомъ отъ Матрены Ивановны къ Авдотѣ Васильевнѣ, въ которомъ Матрена Ивановна усерднѣйше поздравляетъ свою пріятельницу съ днемъ ангела, и извѣщаетъ, что она слава Богу здорова.

Въ эти недавнія счастливыя времена мы знакомились другъ съ другомъ, заводили дружескія связи, женились и посягали по соображеніямъ, со-

вершено не имѣющимъ никакого дѣла до убѣжденій. То-есть, коли хотите, они и были, эти убѣжденія, но то были убѣжденія затылка, убѣжденія брюшной полости, но отнюдь не убѣжденія мысли. Тотъ, напиримѣръ, кто пилъ водку зорную и закусывалъ маринованнымъ грибомъ, тотъ улыбался и подмигивалъ, и вообще чувствовалъ себя особенно радостно лишь при видѣ человѣка, который тоже предпочитаетъ зорную всякимъ другимъ настойкамъ и тоже закусываетъ грибомъ. Между этими двумя индивидуумами была живая связь, существовала возможность общѣна мыслей и чувствъ. Тотъ, кто игралъ въ ералашъ по три копѣйки, подыскивалъ себѣ въ общество такихъ именно людей, которые также играли въ ералашъ и также по три копѣйки, и на преверженцевъ преферанса смотрѣлъ хотя и не непріязненно, но и безъ сердечнаго участія. И всѣ убѣжденія заключались тутъ въ томъ, что одинъ игралъ рискованно, другой подеидисто, одинъ отъ туза-короля самъ-шесть начиналъ ходить съ маленькой, другой же прямо душилъ съ туза и короля.

Даже въ томъ безвѣстномъ, но крѣпко сплоченномъ духовными узами меньшинствъ людей мыслящихъ, на которомъ съ любовью отдыхаетъ взоръ изслѣдователя явленій нашей общественной жизни, въ тѣхъ немногочисленныхъ кружкахъ, которые въ самыя безотрадныя эпохи исторіи, несмотря на существующую окрестъ слякоти и темень, все-таки прорываются тамъ и сямъ, какъ зеленѣющіе оазисы будущаго на песчаномъ фонѣ картины настоящаго, въ тѣхъ кружкахъ, гдѣ необходимость нравственнаго убѣжденія, какъ внутренняго смысла всей жизни, признается за безспорную истину, гдѣ члены относятся другъ къ другу, съ точки зрѣнія убѣжденій, съ крайнею строгостью и взыскательностью, — даже тамъ существовала какаля-то патріархальная снисходительность въ сужденіяхъ о лицахъ, стоящихъ внѣ жизни и условій кружка и пользующихся какимъ-нибудь значеніемъ на поприщѣ общественной дѣятельности.

Говоря объ NN, мы не давали себѣ труда изслѣдовать, какого разряда принципъ вносить въ общество дѣятельность этого человѣка, но справились единственно о томъ, добрый ли онъ малый, или злоецъ. И если онъ оказывался добрымъ, то мы приходили въ восторгъ; а если еще при этомъ онъ пускалъ намъ въ носъ фразу, въ родѣ того, что „нельзя, господа, не сочувствовать тому честному направленію, которое характеризуетъ дѣятельность нынѣшняго молодого поколѣнія“, то мы готовы были вылизать его всего, отъ головы до пятокъ.

Слѣдствіемъ такой патріархальной простоты нравовъ было то, что многіе люди очень нелѣпые пошли чуть не за гениевъ, многія рѣчи очень глупыя стали чуть не на ряду съ изреченіями мудрости. Попробовалъ бы кто-нибудь изъ „нашихъ“ отпустить такую штуку, что „нельзя, дескать, не сочувствовать“ и т. д. — всякій изъ здѣ-сидящихъ зажалъ бы ему уста, сказавши: „охота вамъ, почтеннѣйшій другъ, предаваться такому дремучему празднословію!“ — но такъ какъ этимъ празднословіемъ занялся NN, существо, съ трудомъ выговаривающее папа и мама, то въ его устахъ самый позывъ къ празднословію, боже и мѣнѣе не изукрашенному обычными ингредиентами нашего древняго краснорѣчія, уже казался поступкомъ, который мы спѣшили запечатлѣть въ нашихъ благодарныхъ умахъ, гдѣ мы тщательно собирали лепестки для будущихъ вѣнковъ героямъ нашихъ сердечныхъ возжелѣній.

И мы, члены этого строгого и взыскательного, члены этого по истинѣ нравственнаго меньшинства, до такой степени искренно восторгались убогими нашими героями, что потребность лизаться упорно засѣла въ насъ даже по сю пору, когда, повидимому, нѣтъ уже и побудительныхъ причинъ ни для лизанія, ни для телячьихъ восторговъ.

Ошибка горькая и обильная послѣдствіями самаго тлетворнаго свойства, ибо она отнимала у нашихъ убѣждений ту безповоротную крѣпость и силу, безъ которой немислимо никакое дѣятельное вліяніе на общество, ибо она была причиной безчисленныхъ стачекъ съ неправдою, безобразіемъ ходячей общественной нравственности, ибо она успокоивала насъ въ той пассивной роли наблюдателей-сводниковъ, которую мы сами себѣ навязали.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ошибка и не необъяснимал. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему прилѣпиться, какъ распознать истину отъ лжи, при существованіи всеобщей, почти эпидемической путаницы понятій и представленій? И какъ не примкнуть, напримѣръ, къ NN, который, по крайней мѣрѣ, умѣетъ конфузиться и краснѣть, тогда какъ, рядомъ съ нимъ, какой-нибудь MM нахально несетъ свою плоскодонную морду, безнаказанно стави ее цоперекъ всему благородно мыслящему? Мысль человѣческая съ трудомъ выноситъ одиночество, а чувство и вовсе не терпитъ его. Это свойство человѣческой природы, эта общительность человѣка сообщаютъ пѣчто роковое всей его дѣятельности, вынуждая его, независимо отъ него самого, признавать за добро то, что, въ сущности, представляетъ собой лишь меньшую сумму зла. Сквозникъ-Дмухановскій не только по сѣбѣ, но и налву видѣлъ кругомъ себя только свинья рыла: чтѣ мудренаго, что онъ и Хлестакова призналъ за человѣка? Наши публицисты такъ долго видѣли то же самое, чтѣ видѣлъ и вышеупомянутый градоначальникъ: чтѣ мудренаго, что въ настоящее время они съ остервенѣніемъ приглашаютъ согражданъ лобзать даже въ такихъ случаяхъ, когда, по совѣсти, слѣдовало бы приглашать ихъ плевать?

Скажутъ, быть можетъ: „зачѣмъ же члены этого добродѣтельнаго, этого взыскательнаго меньшинства не поищутъ образцовъ гражданской доблести среди самихъ себя, зачѣмъ они вторгаются въ ту сферу, гдѣ властвуютъ свинья рыла?“ Отвѣтъ на это простой: зачѣмъ, что мысль человѣческая никакъ не можетъ признать кружкѣ за мѣръ. Какъ бы ни были для насъ милы и симпатичны люди кружкѣ, какъ бы хорошо ни чувствовали мы себя среди нихъ, все-таки мы не можемъ совершенно обрѣзать тѣ нити, которыя привязываютъ насъ къ міру, все-таки мы сознаемъ, что дѣло, настоящее дѣло, не въ кружкѣ, а внѣ его, и именно въ той темной области, въ которой живутъ и дѣйствуютъ Сквозники-Дмухановскіе.

Но въ особенности мудро было не ошибиться въ выборѣ героевъ въ послѣднее время. Россіянѣ такъ изолгались въ какиѣ-нибудь вѣтъ тѣтъ времени, что рѣшительно ничего нельзя понять въ этой всеобщей хлестаковщинѣ. Въ публичныхъ мѣстахъ нѣтъ отбоя отъ либераловъ всевозможныхъ шерстей, и только слишкомъ чуткое и привычное ухо, за шумихою пустошопныхъ фразъ, можетъ подмѣтить старинную заскорузлость воззрѣній и какое-то лукавое, чуть сдерживаемое пріурочиваніе вопросовъ общихъ, историческихъ къ пошленькимъ интересамъ скотнаго двора своей собственной жизни.

Бдете ли вы, напримѣръ, по желѣзной дорогѣ, присмотритесь, сдѣлайте милость, къ тому, что кругомъ васъ дѣлается, прислушайтесь къ тому, что говорится въ вагонахъ. И рѣчи, и морды — все, кажется, протестуетъ! И протестуетъ въ какомъ-то плохо-просищемъ, минорномъ тонѣ, какъ будто такъ и суесть всёмъ, и каждому и въ носъ, и въ ротъ, и въ глаза, что я, дескать, самъ по себѣ ничего, я червь, я слякоть, я клопъ постельный, а вотъ отечество-то за что страдаетъ!

Вы входите въ вагонъ и садитесь на избранное вами мѣсто; передъ вами располагается почтенный старецъ, украшенный усами и словно чувствующій себя неловко въ новомъ партикулярномъ платьѣ, которое на немъ надѣто. Идетъ общая суматоха, всегда сопряженная съ первоначальнымъ прилаживаніемъ и усаживаніемъ; какая-то дама, вся блѣдная и разстроенная, чуть-чуть не каждому пассажиру готова пожаловаться, что ея Grégoire опять-таки потерялъ свой *mouchoir de poche*; какой-то господинъ съ крестомъ на шеѣ застѣнчиво увѣряетъ своего знакомаго, что онъ вообще орденовъ не носитъ, но въ дорогу всегда надѣваетъ крестъ, потому что у насъ безъ этого нельзя. Проходятъ еще нѣсколько почтенныхъ старцевъ, также съ усами и также въ новыхъ партикулярныхъ платьяхъ.

— Какъ, и вы тоже! — восклицаетъ вашъ сосѣдъ, ловя за руку одного изъ проходящихъ усачей.

— На травяное продовольствіе! — отвѣчаетъ проходящій и, уныло усмѣхнувшись, отправляется далѣе.

Но вотъ поѣздъ трогается. Быстро пролетаетъ передъ глазами пассажировъ всякая чухъ и гиль: паршивые лѣсочки, чахлые лужочки, чуть дышущіе ручейки. Сосѣда вашего замѣтно начинаетъ коробить.

— Ну, посмотрите! что жъ это за пейзажъ такой! — обращается онъ къ вамъ съ какимъ-то жолчнымъ озлобленіемъ.

Вслушайтесь въ его голосъ, и вы безъ труда поймете, что въ этомъ голосѣ есть трещина, и что въ этой трещинѣ засѣла кровная обида.

— Ну, на кой чортъ поѣздъ стоитъ здѣсь десять минутъ! — ораторствуетъ усачъ на одной изъ промежуточныхъ станцій: — за границей на обѣдъ только пять минутъ даютъ; — нѣтъ, видно, далеко еще намъ до нихъ!

И вполоть до самыхъ Ушаковъ не умолкаютъ бунтовскія рѣчи усатаго сосѣда, и только великолѣпная вилла либеральнаго *fermier* Василія Александрича Кокорева на минуту смягчить его непреклонное сердце и заставить раздвинуться густо разросшіяся его брови.

Для васъ этотъ усачъ — явленіе совершенно новое. Обращаясь къ воспоминаніямъ прожитыхъ лѣтъ, вы отыскиваете въ нихъ образцы усачей совершенно особаго рода, усачей съ клубами пѣны у рта, усачей не внимающихъ и не разсуждающихъ, усачей, снабженныхъ волчьей пастью и употребляющихъ лисій хвостъ лишь въ виду матеріальной, грубой силы, которая одна имѣла привилегію смирить ихъ бѣшенство. И вотъ сердце ваше начинаетъ мало-помалу мякнуть и расплзаться; вы съ любопытствомъ и даже съ пріятнымъ изумленіемъ прислушиваетесь къ бунтовскимъ рѣчамъ сосѣда, и находите, что онъ... тоно... такъ себѣ... ничего! Вы не замѣчаете ихъ недѣльности и пустоты, вы оставляете безъ изслѣдованія даже ту трещину въ голосѣ, о которой го-

ворено выше: до того васъ поражаетъ новость положенія и неожиданность встрѣчи съ старцемъ, который чѣмъ-то недоволенъ, который почему-то ругается, но ругается безъ прежнихъ раскатистыхъ переливовъ, въ которыхъ такъ и слышалось нахальство и сознаніе ничѣмъ несокрушимой силы.

„Эге!“ — думаете вы: — „вотъ оно что! вотъ даже въ какія каменоломни пустили свои корни либеральныя тенденціи вѣка!“

И вслѣдствіе этого разсужденія начинаете смотрѣть на вашего сосѣда если не съ любовью, то непремѣнно съ отеческою снисходительностью. Смѣю, однакожъ, увѣрить васъ, что вы горько ошибаетесь, и что каменоломни все-таки остаются каменоломнями, несмотря ни на какія тенденціи вѣка.

Представьте себѣ, что въ то самое время, какъ вы улаживаете слухъ либеральными рѣчами сосѣда, въ вагонѣ, сверхъ чаянія, отыскивается такой шутникъ, прозорливый знатокъ падтреснутыхъ голосовъ и сердецъ человѣческихъ, который находитъ для себя забавнымъ высвистывать мнимаго либерала. Вотъ онъ полегоньку подкрадывается къ нему, вотъ онъ шепчетъ ему на ухо:

— А знаете ли, Иванъ Антонычъ, сейчасъ получено извѣстіе, что князь Петръ Мартынычъ предлагаетъ вамъ занять мѣсто начальника таможеннаго округа?

Господи! какимъ пиковымъ валетомъ вывертывается вдругъ Иванъ Антонычъ изъ своего либерализма! какія муравы, какіе водопады внезапно начинаютъ вертѣться въ глазахъ его! И не придетъ ему даже въ голову, что полученное извѣстіе — пухъ, что въ вагонѣ, и въ особенности „сейчасъ“, невозможно было даже получить его!

— Вотъ и насъ, стариковъ, вспомнили! вотъ и насъ, старыхъ слугъ, не забыли! — восклицаетъ онъ съ какимъ-то дѣтскимъ смѣхомъ, внезапно переходя изъ либерализма ругательнаго въ либерализмъ хвалительный.

Положительно завѣрю васъ, что еслибы былъ просторъ и поднесъ ему Василій Александрычъ рюмочку, онъ охотно пустился бы въ присяжку.

А въ другомъ углу вагона завязывается, между тѣмъ, иного сорта либеральный разговоръ. Женоподобный, укутанный плѣдами господина, какъ дважды два четыре, доказываетъ сидящему съ нимъ рядомъ путешественнику французу, что мы отупѣли, и что причину этого отупѣнія слѣдуетъ искать въ непомѣрномъ преобладаніи бюрократіи и въ несносной страсти къ регламентаціи.

— Vous croyez donc si l'on donnait plus d'essor à la libre initiative des pomeshchiks? — спрашиваетъ французъ, который желаетъ показать, что онъ отлично хорошо умѣетъ все понимать à demi-mots.

— Voilà! — отвѣчаетъ женоподобный господинъ.

— Monsieur est donc pour le système du selfgovernment? — продолжаетъ французъ.

— Voilà! — отвѣчаетъ женоподобный господинъ, и горделиво оглядываетъ нищихъ духомъ, сидящихъ въ отдѣленіи вагона.

А нищіе духомъ развѣваютъ рты отъ удивленія, и начинаютъ подозрѣвать, что между ними сидитъ, по малой мѣрѣ, самъ знаменитый публицистъ и защитникъ свободы Ржевскій, путешествующій инкогнито въ скромномъ образѣ господина Юматова (Юпитеръ въ образѣ лебеди).

Вы, конечно, не раздѣляете мнѣнія нищихъ духомъ; быть можетъ, вы даже находите, что идея о помѣщичьемъ selfgovernment вовсе не такъ смѣла и нова, какъ кажется съ перваго взгляда, ибо она достаточно проявила свои достоинства въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Но благодуміе, при пособіи сравнительнаго метода и нѣкоторыхъ историческихъ воспоминаній, опять-таки беретъ верхъ надъ всѣми соображеніями. Вы не слыхали до сихъ поръ, чтобъ слово „selfgovernment“ произносилось гдѣ-нибудь внѣ вашего кружка; и вдругъ оно произносится громкогласно, и гдѣ же? въ вагонѣ! и кѣмъ же? какимъ-то золотушнымъ отпрыскомъ нашихъ древнихъ цсарей-богатырей! Вы готовы вообразить себя въ Икаріи, гдѣ безпечально ходятъ нате люди и непринужденно выбрасываютъ изъ себя всякій вздоръ, который взбрѣдетъ имъ въ голову; вы отнюдь не хотите вѣрить, что находитесь въ любезномъ отечествѣ, гдѣ ходятъ все люди одѣтые, и гдѣ законами общезнѣтності дозволяется изрекать только умныя рѣчи. Васъ это трогаетъ; въ порывѣ умиленія, вы не замѣчаете, что, въ сущности, васъ поражаетъ здѣсь не дѣло, а только звукъ; что точно такъ же смякло бы ваше сердце, еслибы кто-нибудь изъ этихъ постороннихъ для васъ людей вдругъ произнесъ имя родной Заманиловки, гдѣ протекло ваше безмлечное дѣтство, и напомнилъ вамъ старую няню Іонову, тѣшившую васъ сказочками про бабу-ягу костиную ногу, про козляточекъ-малюточекъ... Чтѣ за славная, чтѣ за благодатная картина встала бы вдругъ въ душѣ вашей! Какимъ тепломъ, какою яркостью лучей и красокъ охватило бы все ваше существо! И съ какою любовью взглянули бы вы на этого незнакомца, который, самъ того не вѣдая, ударилъ по самой чувствительной струнѣ вашего сердца, который заставилъ васъ еще и еще разъ произнести: „о, моя юность! о, мол свѣжеть!“

Милостивый государь! слово, столь глубоко васъ тронувшее, имѣетъ въ настоящемъ случаѣ именно то самое значеніе, какое имѣло бы печальное упоминаніе родной Заманиловки. Вся разница заключается только въ томъ, что чувствительность, проявляемая по поводу Заманиловки, весьма невинна и ни къ чему не обязываетъ, а чувствительность, проявляемая по поводу произнесеннаго въ упоръ хвастливаго словечка, весьма непохвальна, ибо, кромѣ неопрятности, производимой глазами и носомъ, ведетъ къ затмѣнію и страшнымъ путаницѣ.

Я знаю, вы утѣшаете себя мыслью, что еще немножко, еще одну капелку — и золотушный юноша самъ собой станетъ на ту прямую дорогу, которая такъ складно рисуется въ вашемъ воображеніи. Анъ нѣтъ, онъ гораздо дальше отъ этой прямой дороги, нежели его предки, цари-богатыри. Тѣ просто ломали себѣ впередъ, какъ ломить впередъ Михайло Ивановичъ Толтыгинъ, пролагая пути сообщенія сквозь чащу лѣсную; а золотушный юноша впередъ не ломить, столѣтнихъ сосенъ не валить, а злобствуетъ тихимъ манеромъ, какъ прилично человѣку благовоспитанному, то-есть показывая кукишъ въ карманѣ. Тѣхъ можно было по просту гнать въ бараній рогъ; тѣхъ можно было взять за плечи и поставить на прямую дорогу, если они добровольно на нее не становились; а съ золотушнымъ юношей такъ поступить нельзя. Онъ ужъ понахватался кой-чего; онъ уже развратилъ свою мысль дѣситкомъ-двумя забористаго свойства словечекъ; онъ уже покрылся извѣстнаго